

© 2009 г. О.А. АНИЩЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ: ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ДО ЖАРГОНА

Статья посвящена истории формирования и изучения русского молодежного жаргона в аспекте его терминологического обозначения на разных этапах развития языка. Хронология функционирования лингвистических терминов выявляется на богатом мемуарно-художественном, публицистическом, историческом и научном материале. Автор прослеживает эволюцию молодежного социолекта и трансформацию обозначений: от технического выражения до технического языка; от школьного жаргона до молодежного жаргона.

Молодежный жаргон, активно проникающий сегодня в общенародную речь и оказывающий все более ощутимое влияние на русский литературный язык, является объектом живого интереса исследователей: изучается взаимодействие молодежного жаргона с другими социальными диалектами, его понятийно-тематический состав и стилистическая окрашенность, анализируются источники пополнения и словообразовательные модели жаргонной лексики. Рассматриваются также вопросы выбора терминов для обозначения молодежной речи (особого состава слов и выражений). При этом для номинации молодежной лексики активно используются французские термины «жаргон» (jargon), «арго» (argot), а также заимствованный из английской лексикологии термин «сленг» (slang).

Однако молодежный жаргон, отличающийся новизной и экспрессией, существует не одну сотню лет, и остаются открытыми вопросы: А какими были первые обозначения молодежного социолекта? Как сама молодежь определяла созданные в ее среде слова и выражения? Вот вопросы, на которые отсутствуют пока ответы в отечественной лингвистике. Для полной картины понятийно-терминологической системы необходимо проследить путь развития русского молодежного жаргона, обратившись к его истокам, к его истории.

История молодежного жаргона начинается с формирования лексико-фразеологического состава различных школьных жаргонов. Первые упоминания о специфических школярских лексемах находим в художественных произведениях «Бурсак» (1824 г.) В. Нарезного, «Тарас Бульба» (1834 г.), «Вий» (1835 г.) Н. В. Гоголя, «Пан Халыцкий» (1839 г.) Квитки-Основьяненко, изображающих старую бурсу XVII–XVIII веков – старинную Киевскую академию, первое высшее учебное заведение в России.

Писатель В. Нарезный первым в 1824 г. знакомит читателей со своеобразной учебной иерархией, отраженной в наименованиях лиц – учащихся различных отделений семинарии: «...почтенное сословие бурсаков образует в малом виде великолепный Рим, и консул управляет оным вместе с сенатом. В консулы избирается старший из богословов, а прочие богословы и философы образуют сенаторов; риторы составляют ликторов, или исполнителей приговоров сенатских; поэты называются целерами или бегунами, которые употребляются на рассылки...» [Нарежный 1887: 11].

Вслед за В. Нарезным Н.В. Гоголь, фиксируя принятые в семинарском кругу обозначения (*философ, богослов, ритор, аудитор, паля* и др.), вводит авторский комментарий – «слово техническое»: «Бурса и семинария носили какие-то длинные подобию сюртуков, простиравшихся по сие время – слово техническое, означавшее: далее пя-

ток» [Гоголь 1960: 214–215]. Гоголевское «слово **техническое**» – это, возможно, первое обозначение молодежного жаргонизма, которое позже часто будет встречаться в мемуарной литературе: «...кстати упомянуть о некоторых **технических словах**, имевших право гражданства в одном только корпусе, и, сколько мне известно, не попавших ни в один диксионер...» [М.Л. 1862: 398]; «**технический школьный термин**» [Эвальд 1900: 70]; «**техническое выражение**, хорошо известное и начальству» [Измайлов 1903: 53].

А благодаря роману «Пан Халявский» Г.Ф. Квитки-Основьяненко становятся известными выражения «**таинственный бурсацкий язык**» и «**жаргон заговорщиков**». Автор сатирически рисует образ наставника (домине), который обучение латинскому языку свел к окончанию «ус»: «Латынь же, преподаваемая им ученикам, свелась к окончанию "ус", которым они коверкали обыкновенные слова, превращая свою речь в своеобразный жаргон заговорщиков. Учителю понравилась вишневка, и один из братьев в присутствии папеньки и маменьки спешит пообещать домине: "Я украдентус у маментус ключентус и нацендентус из погребентус бутылентус"» [Квитка-Основьяненко 1971: 87].

Примеры латинизирования русских слов бурсаками ранее (в 1831 г.) высмеял Н.В. Гоголь в предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» («один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже язык наш православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него лопатус; баба – бабус»), а позже (в 1863 г.) – Н.Г. Помяловский в «Очерках бурсы» («Как сказать по латыни: лошадь свалилась с моста? – Молодец отвечает: "Лошадендус свалендус с мостендус"»). Подобное «засекречивание» слов – своеобразный «**тарабарский**» прием школьников; о нем упоминает в предисловии (см. раздел «Языки искусственные») к «Толковому словарю живого великорусского языка» и В.И. Даль, выделяя среди разновидностей **искусственного языка «тарабарский язык» школьников**, состоящий в перестановке или замене согласных, а также «говор по-херам», когда за каждым слогом приговаривают «хер» [Даль 1978: LXXVI–LXXVIII]. (Однако тарабарский язык, созданный в результате перестановки, замены или добавления слогов, не тождествен жаргону. Как справедливо отмечают ученые, это глубоко различные лексические системы и по словопроизводству, и по социальной природе [Поливанов 1931: 58; Грачев 1997: 99].)

Кроме этого языкового приема, Г.Ф. Квитка-Основьяненко запечатлел также специфические семинарские наименования (*субботки, ритор, палия* и др.).

К первым, кто заявил о бытовании в закрытых учебных заведениях специфических лексем, относится и В.И. Даль, закончивший в 1819 г. Петербургский морской корпус и в 1830-х годах написавший автобиографическую повесть «Мичман Поцелуев», где отметил «**принятые и понятные**» в кадетском обиходе слова, предлагая читателям разгадать их тайный смысл: «...вот вам, – обращается к читателям тонкий знаток русского языка, – целый список новых слов, принятых и понятных в морском корпусе; читайте и отгадывайте: *бадяга, бадяжка, бадяжник, новичок, свести, обморочить, нетленный, копчинка, старик, старина, стариковать, кутило, огуряться, огуряло, отказной, отчаянный, чугунный, жилишь, жила, отжилить, прижать, прижимало, сводить, втереть очки, живая очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячих, на фарте, на вагане, на шаране, фуручкой, фурка* и прочее, и прочее» [Даль 1897: 382].

Таким образом, можно предположить, что первые фиксации русских школяризовмов относятся к 1820–1830-м годам, причем, они единичные и не называются термином «молодежный жаргон».

Данный термин, как показывают наши наблюдения, в XIX веке не употреблялся. Сами носители жаргона (а это можно проследить по многочисленным воспоминаниям о школьной жизни, которые печатались на страницах журналов и выходили отдельными изданиями во второй половине данного столетия – в скобках отмечено время создания источников) определяют его чаще как «язык» с характерным определением-уточнением: «**местный язык**» (Н. Герасимов. Долбня (Воспоминания из училищной

жизни), 1860; Н.Г. Помяловский. Очерки бursы, 1863; Из воспоминаний институтки 60-х годов, 1887), «**технический язык школьников**» (А.Н. Афанасьев. До гимназии и в гимназии, 1872), «**корпусный язык**» (Д. Завалишин. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822, 1873), «**наш воспитаннический язык**» (В.В. Стасов. Училище правоведения сорок лет тому назад, 1881), «**свой особенный язык**» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Семья и школа, 1880), «**условный язык**» (М. Малеевский. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства, 1883), «**кадетский язык**» (М.Я. Ольшевский. Первый кадетский корпус в 1826–1833 гг., 1886), «**бурсацкий язык**» (Н.Г. Помяловский. Очерки бursы, 1863; Д. Н. Мамин-Сибиряк. Семья и школа, 1880), «**наш школьный язык**» (В. Эвальд. Из школьных воспоминаний, 1890), «**институтский язык**» (А.Н. Энгельгардт. Очерки институтской жизни былого времени, 1890; Из воспоминаний институтки 60-х годов, 1887), «**язык воспитанниц**» (А.Н. Энгельгардт. Очерки институтской жизни былого времени, 1890), «**язык семинаристов**» (М. Малеевский. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства, 1883), «**корнетский язык**» (Г. Домрачев. Корнеты и сугубцы, 1912).

Как синоним термину «язык» употребляется в воспоминаниях М. Малеевского (бывшего семинариста) и А.Н. Энгельгардт (бывшей институтки) термин «наречие»: «**школьное наречие**» (М. Малеевский. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства, 1883), «**институтское наречие**» (А.Н. Энгельгардт. Очерки институтской жизни былого времени, 1890). Однако предпочтительным все же остается обозначение «язык».

Активное употребление в мемуарной литературе термина «язык» объясняется тем, что в XIX веке он был традиционным при обозначении различных социально-обусловленных вариантов языка.

«У каждого нашего сословия, – писал В.Г. Белинский, – всё своё особенное – и платье, и манеры, и образ жизни, и даже **язык**. Чтобы убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором сошлись бы нечаянно чиновник, военный, духовный, студент, семинарист, профессор, художник, увидя себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков» [Белинский 1896: 290–291].

При изучении словаря той или иной социальной группы, того или иного сословия указывался определенный круг носителей языка, например: «Словарь языка шерстобитов», «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка», «Язык шведов Симбирской губернии». Названия этих и других работ в данной области отражают лингвистическую традицию. Ей следует и Д.К. Зеленин (1905 г.), рассматривая **условный технический язык** «представителей самых разнородных профессий».

Зачатки такого языка, по его мнению, наблюдаются и «в школах, особенно в закрытых учебных заведениях», где «в обращении ходит всегда более или менее значительное число условных технических выражений» [Зеленин 1905: 109]. (Как видим, обозначение «**техническое выражение**», введенное для определения слов «школярского происхождения» Н.В. Гоголем, сохраняет свою свежесть и в начале XX века.)

Термином «язык» оперирует и Бодуэн де Куртене, различая «языки известных ремесел, званий (например, язык актеров) и общественных классов, язык мужчин и женщин, язык различных возрастов, язык различных переходных положений (например, язык солдатский, язык каторжников и заключенных и т.п.)» [Бодуэн де Куртене 1963: 74–75]. Среди своеобразных «**условных**» языков ученый выделяет также «язык студентов, гимназистов, семинаристов, институток и т.д.» [Бодуэн де Куртене 1908: X].

При этом Бодуэн де Куртене условный язык учащейся молодежи называет **полутайным жаргоном**. «Существуют, – отмечает он, – языки тайные и полутайные, так называемые “жаргоны”: язык студентов, язык гимназистов, язык странствующих торговцев (например, в России язык офеней, язык костромских шерстобитов и т. п.), язык уличных мальчишек, язык проституток, язык хулиганов, язык мошенников, воров и всякого рода преступников и т. п.» [Бодуэн де Куртене 1963: 75].

Ученый, как видим, ставит знак равенства между терминами «язык» и «жаргон».

Подобную лингвистическую тенденцию отражают также литературные памятники конца XIX века, в которых особенности словоупотребления школьников характеризуются не только через компонент «язык», но и с использованием обозначения «жаргон»: **«бурсацкий жаргон»** (Э – з – Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (Из воспоминаний бывшего студента), 1881); **«гимназический жаргон»** (Н.А. Бундас. Очерки из жизни С-кой гимназии в 50-х годах, 1897; А.И. Курин. На переломе, 1900 г.; В.Г. Короленко. История моего современника, 1905); **«кадетский жаргон»** (К.М. Станюкович. Маленькие моряки, 1893); **«особый жаргон»** (Л.И. Януш. Полвека назад (Воспоминания о Втором Московском кадетском корпусе), 1907); **«институтский жаргон»** (Н.А. Лухманова. Девочки: Воспоминания из институтской жизни, 1899; Ф.Л. Из воспоминаний о Московском Александровском институте, 1900; Л.А. Чарская. Записки институтки, 1905); **«училищный жаргон»** (А.А. Измайлов. В бурсе, 1903) и т.д.

И если В.И. Даль специфические кадетские выражения называет «принятыми и понятными в кадетском обиходе», то П.И. Мельников (Андрей Печерский) во вступительной статье к первому посмертному полному изданию сочинений В.И. Даля (1897 г.), подчеркивая автобиографический характер повести «Мичман Поцелуев», акцентирует внимание читателей на знакомстве героя с **«кадетским жаргоном»**, «перечисленным во время сочинения повести не по записи, а по памяти, как сказывал Владимир Иванович» [Мельников 1897: IX].

В комментариях от редакции (журнал «Русское богатство», 1912 г. № 11) к статье Г. Домрачева о первых днях его пребывания в кавалерийском училище читаем: «И вот, черта за чертой, пред нами рисуется этот замкнутый исключительный мирок, культивирующий, по странной преемственности, свои особые традиции, проникнутые особым “духом” с совершенно особыми нравами и с **собственным жаргоном**».

Таким образом, на рубеже веков, наряду с термином **«язык»**, применительно к словарю молодежи становится употребительным и термин **«жаргон»**.

Существует мнение, что в начале XX века он «преимущественно связывается с языковой практикой преступного мира», с воровской средой [Подберезкина 2006: 140]. Можно ли с этим согласиться?

Воровской жаргон, арго (первые его обозначения – **условный язык преступников, байковый язык, музыка**) начинает изучаться, как считает М.А. Грачев, с середины XIX века [Грачев 2005: 17]. Специфика же речевого общения учащихся не являлась объектом научных исследований в дореволюционной России. Первая (и весомая) научная попытка рассмотреть причины появления специфических школьных лексем, проанализировать их семантику и способы образования была предпринята Д.К. Зелениным в его известной работе «Семинарские слова в русском языке» [Зеленин 1905].

Начинает привлекать широкое внимание лингвистов и становиться предметом научных исследований молодежная речь лишь в 1920–1930-е годы, когда реформируется система образования, отменяется дореволюционное разделение школ, устанавливается совместное обучение мальчиков и девочек. Революция и гражданская война породили армию беспризорников, и школьный язык в силу известных причин подвергся влиянию **блатной музыки, жаргону тюрьмы**. (Именно под таким названием выходит в свет в 1908 г. словарь В.Ф. Трахтенберга с небольшой вступительной статьей И.А. Бодуэна де Куртене (всего две страницы), в которой словосочетание **блатная музыка** встречается двенадцать раз! [Грачев 2005: 18].) За арготическим фразеологизмом закрепляется неразрывная связь с преступностью и правонарушителями, а обозначение **жаргон** приобретает негативную, сниженную окраску.

В 20-х годах XX в. общественность и лингвисты были обеспокоены «массовым проникновением словечек преступников в речь подрастающего поколения» [Грачев 2005: 60], одна за другой выходят статьи, посвященные данной проблеме, среди которых выделяются работы Е.П. Лупповой «Из наблюдений над **речью учащихся** в школах II ступени Вятского края» (1927 г.), М.А. Рыбниковой «Об искажении и огрубении **речи учащихся**» (1927 г.), П.С. Богословского «К вопросу о составе лексики современно-

го **школьного языка**» (Из материалов изучения **языка учащихся** пермских школ) (1927 г.), С.А. Копорского «Воровской жаргон в среде школьника» (1927 г.) и др.

Так, М.А. Рыбникова пишет «об искажении и огрубении **речи учащихся**», подчеркивает широкую распространенность среди молодежи слов, «многие из которых идут от **“блатной музыки”**», т.е. из **воровского жаргона тюремных завсегдатаев**» [Рыбникова 1927: 246]. П.С. Богословский, задавая вопрос: «Каково содержание лексики современного школьного языка?», отмечает огромное количество слов, необычайно грубых по содержанию, а по своему происхождению наводящих на весьма грустные размышления [Богословский 1927: 24]. «Несомненно, – заключает автор, – что лексика школьного языка пополнилась элементами **“Блатной музыки”** через посредство малолетних “правонарушителей”» [Богословский 1927: 24].

Один из первых исследователей послереволюционной языковой ситуации в России С.А. Копорский также подчеркивает, что уже в двадцатые годы речь школьников была заметно окрашена элементами **воровского жаргона** [Копорский 1927].

Проблему «речевого хулиганства» в «школьной и комсомольской среде» продолжают в 1931 году Е.Д. Поливанов и В.В. Стратен.

В статье «О блатном языке учащихся и о “славянском языке” революции» Е.Д. Поливанов обращает внимание на то, что «зачатки бурно разросшегося сейчас “речевого хулиганства” были присущи русской средней школе уже довольно давно», и вспоминает свои гимназические годы (годы вокруг первой революции – 1905 г.), когда школьники активно использовали в разговоре жаргонные слова, которые, с одной стороны, объединяли их с уличными хулиганами, а, с другой стороны, будучи специфическими, ограничивались стенами школы [Поливанов 1931: 161–162]. «Снижение штиля» современного языка учащихся в сторону социальных низов, он объясняет влиянием «блатной речи»: «...“снижающий штиль” **жаргон** существует в школе потому, что у школьников хронически существует потребность определять себя и собеседника именно в вышеуказанном смысле – в виде хулиганов или в виде играющих “под хулиганов”» [Поливанов 1931: 164].

Мысль об объединяющей (школьников с беспризорниками) функции блатного жаргона развивает В.В. Стратен: «Сибирские школьники говорят почти так же, как киевские или одесские беспризорные, а ленинградские, напр., или иркутские беспризорные – как полтавские или ярославские школьники. Это один и тот же жаргон, основанный на блатном аргю и только кое в чем видоизмененный и обновленный» [Стратен 1931: 141–142].

Таким образом, первый этап изучения молодежной речи совпадает с бурной активностью, «разгулом» воровского жаргона и его влиянием на формирование словарного состава молодежного жаргона. Неудивительно поэтому и развитие негативной оценки понятия «жаргон», и «возмущенное негодование по этому поводу пуристов-педагогов». Вместе с тем, авторы критических статей не только призывают бороться с «порчей языка», но и отмечают выразительность, экспрессивность жаргонных слов. У жаргона, как подчеркивает сам носитель и создатель его в школьные годы Е.Д. Поливанов, «более богатое (т.е. более обильное отдельными представлениями) смысловое содержание, чем у их обыкновенных (а потому и пустых в известном отношении) эквивалентов из нормального языка» [Поливанов 1931: 163].

Исследователи тех лет считают закономерным создание специального лексикона в ученической корпорации.

При этом необходимо отметить нередкое использование в статьях обозначения термина «жаргон» с указанием на школьную среду: «школьный жаргон», «слова школьного жаргона», «русский школьный жаргон», «жаргон средней школы» и т.д. Это говорит о том, что в данный период в отечественной социолингвистике (среди основателей которой – Е.Д. Поливанов и В.В. Стратен) признается существование различных видов жаргона, в том числе и школьного. «Жаргон средней школы» рассматривается как особая разновидность социально-групповых диалектов [Поливанов 1931: 168]. И борьба общественности была направлена не на него как на естественную дет-

скую потребность в языковой новизне, а на проникающую в него арготическую лексику, которая, «снижая стиль», вносила излишнюю грубость. В этом плане характерно мнение М. Рыбниковой: «Сила жаргона – в его необычности и выразительности. Дети всегда любят тайную речь, то говорят “на шипах”, то переставляют слоги слова, то просто пускают в ход “словечки”» [Рыбникова 1927: 247].

Таким образом, нельзя безоговорочно разделять точку зрения на то, что в начале XX века термин «жаргон» ассоциируется преимущественно с преступной средой.

Этот период – 1920–1930 годы – способствовал привлечению внимания к проблемам образования, к школьной системе преподавания, а также к социальному составу учащихся и их специфическому словоупотреблению – **школьному жаргону**.

В последующие годы изучение школьного жаргона, несмотря на появление нового лексического материала, будет приостановлено. В аргологии (жаргонологии) наступает определенное «затишье» [Елистратов 2000: 576]. Это связано с политическими условиями в стране, с официальным запрещением изучать русский жаргон.

Исследования школьного (студенческого) жаргона возобновляются в конце 50-х – нач. 60-х гг. XX века [Костомаров 1959; Скворцов 1964; Леонова 1966]. Свое отношение к этому языковому явлению одним из первых выскажет К.И. Чуковский: «...кто из нас, стариков, не испытывает острой обиды и боли, слушая, на каком языке изъясняется иногда наше юношество!» [Чуковский 1962: 101]. Поднимая вопросы культуры речи, писатель называет жаргон «юнцов» вульгарным, «людоедским» (сравнивая с речью Элочки-людоедки, «высмеянной Ильфом и Петровым») и считает, что борьбу с ним необходимо начинать в школе, «где и зарождается этот жаргон» [Там же: 103]. Однако писатель предлагает не только бороться за чистоту русского языка, но и постараться понять подростков, которым хочется «новых, небывалых, причудливых, экзотических слов – таких, на которых не говорят ни учителя, ни родители, ни вообще старики». «Это бывает со всеми подростками, – отмечает К.И. Чуковский, – и нет ничего криминального в том, что они стремятся создать для себя язык своего клана, своей “касты” – собственный, молодежный язык» [Там же: 105].

Пытаясь разобраться в причинах возникновения жаргона, он (в 1966 г.) дополняет главу «Вульгаризмы» в книге «Живой как жизнь»: появляются рассуждения о том, что литература призвана отражать живую разговорную речь и что несправедливо обвинять ее в распространении жаргона. «Сколько бы ни суетились пуристы, живая разговорная речь непременно просочится и в романы, и в рассказы, и в повести, и в стихи, отражая в себе умственный и нравственный облик той социальной среды, которая сформировала эту разговорную речь» [Чуковский 1966: 129].

Появляется также ссылка на статью Л.И. Скворцова «Об оценках языка молодежи» (1964 г.), в которой автор рассматривает структурно-семантические особенности **молодежного жаргона**. Л.И. Скворцов оперирует определением «молодежный», считая, что оно отвечает духу времени. В послевоенное время в стране постепенно складываются все необходимые условия для объединения молодых людей (школьников, студентов, молодых рабочих, музыкантов и т.д.). Средства массовой информации, газеты, радио, телевидение, художественная литература, кинофильмы, песни – все способствовало распространению общих увлечений, своеобразной моде одеваться и схожему речевому поведению. Популярными становятся «стиляги», их лексика, а также «профессиональный жаргон музыкантов (“лабухов”», в состав которого входит много арготических слов и элементов старых условных языков» [Скворцов 1966: 9]. Этот разряд «лабушко-стиляжьей» по происхождению лексики активно усваивается молодежью, в частности студенчеством, чей жаргон, как отмечает Л.И. Скворцов, «становится господствующим» в **молодежном жаргоне** [Скворцов 1966: 8].

И вот, что характерно: К.И. Чуковский, дополняя свои наблюдения, включает в свои рассуждения определение «**молодежный**», подробно раскрывает состав носителей жаргона.

Сравним две редакции: 1962 и 1966 гг.

Чуковский К.И. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М.: Молодая гвардия, 1962

«...кто из нас, стариков, не испытывает острой обиды и боли, слушая, на каком языке изъясняется иногда наше юношество!» (с. 101)

"Но можем ли мы так безапелляционно судить этот жаргон?" (с. 105)

«...и нет ничего криминального в том, что они стремятся создать для себя язык своего клана, своей "касты" – собственный, молодежный язык» (с. 105)

Чуковский К.И. Живой как жизнь // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 3.

«...кто из нас, стариков, не испытывает острой обиды и боли, слушая, на каком языке изъясняется иногда наше юношество – **школьники, студенты, молодые рабочие**» (с. 122)

«И кроме того: можем ли мы так безапелляционно судить этот "**молодежный**" жаргон?» (с. 130)

«...и нет ничего криминального в том, что они стремятся создать для себя язык своего клана, своей "касты" – собственный, "**молодежный**" язык» (с. 131)

«Адвокаты "**молодежного**" жаргона говорят, будто он служит теснейшему сближению школьников и повышает их коллективное чувство» (с. 132)

Обозначение «молодежный» автор заключает в кавычки, подчеркивая тем самым новые тенденции в обществе и в языке, и правомерно, на наш взгляд, делать вывод о том, что термин **«молодежный жаргон»** становится широко употребительным с 1960-х гг. Немаловажную роль в его популяризации сыграли научные изыскания Л.И. Скворцова. «При относительной единовозрастности той или иной группы говорящих, – отмечает ученый, – жаргонная речь выступает как характерная черта языка поколения (особенно молодого). Это и дает возможность ставить вопрос о современном молодежном жаргоне (сленге) как одном из социально-речевых стилей нашего времени» [Скворцов 1966: 8].

В дальнейшем **школьный (студенческий) жаргон** будет рассматриваться как **разновидность молодежного жаргона**, с годами все более обогащающегося. Объектом внимания станут не только жаргоны учащейся молодежи (в основном – студентов), но и такие проявления молодежной речи, как: **жаргоны солдат и матросов срочной службы, жаргоны неформальных молодежных объединений (хиппи, панков, металлистов, фанатов), жаргоны хипхоперов, компьютерщиков, уличных музыкантов, толкиенистов, про-геймеров** и др. ([Скворцов 1964; Лошманова 1975; Копыленко 1976; Дубровина 1980; Лукашанец 1982; Крысин 1989; Запесоцкий, Файн 1990; Мазурова 1991; Рожанский 1992; Зайковская 1993; Ермакова 1996; Береговская 1996; Марочкин 1998; Мокиенко, Никитина 2000; Никитина 2003; Грачев 2006] и др.).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что русский молодежный жаргон имеет многолетнюю историю развития и функционирования. Литературные памятники (первые фиксации относятся к началу XIX века) отражают не только его эволюцию, но и трансформацию обозначений: от технических выражений до технического языка; от школьного жаргона до молодежного жаргона. Новая терминология была обусловлена изменениями в общественной жизни, изучением русских социолектов и новыми лингвистическими тенденциями, при этом на смену нейтральным обозначениям («техническое выражение», «язык») приходит оценочное «жаргонизм» (негативная окраска которого приобретает в 20–30-е гг., когда молодежная речь в силу известных причин подвергается влиянию уголовного аргю).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский 1896 – В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 4. СПб., 1896.

- Береговская 1996 – Э.М. *Береговская*. Молодежный сленг: формирование и функционирование // ВЯ. 1996. № 3.
- Богословский 1927 – П.С. *Богословский*. К вопросу о составе лексики современного школьного языка // Уральский учитель. 1927.
- Бодуэн де Куртене 1908 – И.А. *Бодуэн де Куртене*. Предисловие // В.Ф. Трахтенберг. Блатная музыка. СПб., 1908.
- Бодуэн де Куртене 1963 – И.А. *Бодуэн де Куртене*. Язык и языки // И.А. Бодуэн де Куртене. Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
- Гоголь 1960 – Н.В. *Гоголь*. Вий // Н.В. Гоголь. Собрание художественных произведений в пяти томах. Т. 2. М., 1960.
- Грачев 1997 – М.А. *Грачев*. Русское аргю. Монография. Н. Новгород, 1997.
- Грачев 2005 – М.А. *Грачев*. От Ваньки Каина до мафии. СПб., 2005.
- Грачев 2006 – М.А. *Грачев*. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006.
- Даль 1897 – В.И. *Даль*. Мичман Поцелуев // Полн. собр. соч. В. Даля: В 10 т. Т. 2. СПб.; М., 1897.
- Даль 1978 – В.И. *Даль*. Языки искусственные // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Т. 1. М., 1978.
- Дубровина 1980 – К.Н. *Дубровина*. Студенческий жаргон // ФН. 1980. № 1.
- Елистратов 2000 – В.С. *Елистратов*. Аргю и культура // В.С. Елистратов. Словарь русского аргю: Материалы 1980–1990 гг. Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М., 2000.
- Ермакова 1996 – О.П. *Ермакова*. Семантические процессы в русском молодежном жаргоне // Поэтика, стилистика, язык и культура / Под ред. Н.Н. Розановой. М., 1996.
- Зайковская 1993 – Т.В. *Зайковская*. Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Запесоцкий, Файн 1990 – А.С. *Запесоцкий, А.П. Файн*. Эта непонятная молодежь: Проблемы неформальных молодежных объединений. М., 1990.
- Зеленин 1905 – Д.К. *Зеленин*. Семинарские слова в русском языке // Русский филологический вестник. Т. I–IV. Варшава, 1905. № 3–4.
- Измайлов 1903 – А.А. *Измайлов (Смоленский)*. В бурсе (Бытовая хроника в двух частях). СПб., 1903.
- Квитка-Основьяненко 1971 – Г.Ф. *Квитка-Основьяненко*. Пан Халявский. М., 1971.
- Копорский 1927 – С.А. *Копорский*. Воронский жаргон в среде школьников: По материалам обследования ярославских школ // Вестник просвещения. 1927. № 1.
- Копыленко 1976 – М.М. *Копыленко*. О семантической природе молодежного жаргона // Л.П. Крысин, Д.Н. Шмелев (ред.). Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Костомаров 1959 – В.Г. *Костомаров*. Откуда появилось слово «стиляга» // Вопросы культуры речи. М., 1959. Вып. 2.
- Крысин 1989 – Л.П. *Крысин*. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Леонова 1966 – Н.А. *Леонова*. О произношении современной молодежи // Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та. 1966. Т. 25. Вып. 2.
- Лошманова 1975 – Л.Т. *Лошманова*. Жаргонизированная лексика в бытовой речи молодежи 50–60-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975.
- Лукашанец 1982 – Е.Г. *Лукашанец*. Лексические заимствования и их нормативная оценка (На материале молодежного жаргона 60–70-х гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Луппова 1927 – Е.П. *Луппова*. Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени Вятского края // Труды Вятского научно-исслед. ин-та краеведения. Вятка, 1927. Т. 3.
- Мазурова 1991 – А.И. *Мазурова*. Сленг хип-системы // По неписанным законам улицы. М., 1991.
- Марочкин 1998 – А.И. *Марочкин*. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (На материале речи молодежи г. Воронежа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998.
- Мельников 1897 – П.И. *Мельников (Андрей Печерский)*. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк // Полное собрание сочинений В.И. Даля. Т. 1. СПб.; М., 1897.
- Мокиенко, Никитина 2000 – В.М. *Мокиенко, Т.Г. Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- М.Л. 1862 – М.Л. Несколько заметок о втором кадетском корпусе // Военный сборник. 1862. № 4.

- Нарежный 1887 – *В. Нарежный*. Бурсак. СПб., 1887.
- Никитина 2003 – *Т.Г. Никитина*. Словарь молодежного сленга (Материалы 1980–2000 гг.). 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.
- Подберезкина 2006 – *Л.З. Подберезкина*. «Корпоративный язык» в аспекте социальной дифференциации языка (к вопросу о термине) // Слово в словаре и дискурсе. Сб. научн. статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006.
- Поливанов 1931 – *Е.Д. Поливанов*. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931.
- Рожанский 1992 – *Ф.И. Рожанский*. Сленг хиппи: Материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992.
- Рыбникова 1927 – *М. Рыбникова*. Об искажении и огрубении речи учащихся // Родной язык в школе. 1927. № 1.
- Скворцов 1964 – *Л.И. Скворцов*. Об оценках языка молодежи (Жаргон и языковая политика) // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5.
- Скворцов 1966 – *Л.И. Скворцов*. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
- Стратен 1931 – *В.В. Стратен*. Арго и арготизмы // Труды комиссий по русскому языку. Т. 1. Л., 1931.
- Чуковский 1962 – *К.И. Чуковский*. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М., 1962.
- Чуковский 1966 – *К.И. Чуковский*. Живой как жизнь // К.И. Чуковский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1966.